

Анна Ахматова

Реквием

1935-1940

*Нет, и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, -
Я была тогда с моим народом,
Там, где мой народ, к несчастью, был.*
1961

Вместо предисловия

В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина, которая, конечно, никогда не слышала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шёпотом):

- А это вы можете описать?

И я сказала:

- Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было её лицом.

1 апреля 1957, Ленинград

Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.

Для кого-то веет ветер свежий,
Для кого-то нежится закат -
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый
Да шаги тяжёлые солдат.

Подымались как к обедне ранней,
По столице одичалой шли,
Там встречались, мёртвых
Солнце ниже, и Нева туманней,
А надежда все поёт вдали.

скрежет

бездыханней,

Приговор... И сразу слёзы
Ото всех уже отделена,
Словно с болью жизнь из сердца
Словно грубо навзничь
Но идет... Шатается... Одна...
Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской
Что мерещится им в лунном

хлынут,

вынут,

опрокинут,

вьюге,

круге?

ВСТУПЛЕНИЕ

Это было, когда улыбался
Только мёртвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском качался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осуждённых полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки,
Звёзды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами чёрных марусь.

У божницы свеча оплыла.
На губах твоих холод иконки,
Смертный пот на челе...

Не забыть!

Буду я, как стрелецкие жёнки,
Под кремлёвскими башнями выть.

[Ноябрь] 1935, Москва

2

Тихо льётся тихий Дон,
Жёлтый месяц входит в дом.
Входит в шапке набекрень,
Видит жёлтый месяц тень.

Эта женщина больна,

Эта женщина ³одна.

Нет, это не я, это кто-то другой страдает.
Муж в могиле, сын в тюрьме,

Помолитесь обо мне.
Я бы так не могла, а то, что случилось,

1938 Пусть чёрные сукна покроют,

И пусть унесут фонари...

Ночь.

1939

4

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей -
Как трехсотая, с передачей,
Под Крестами будешь стоять
И своею слезою горячею
Новогодний лед прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука - а сколько там
Неповинных жизнью кончается...

1938

5

Семнадцать месяцев кричу,
Зову тебя домой,
Кидалась в ноги палачу,
Ты сын и ужас мой.
Все перепуталось навек,
И мне не разобрать
Теперь, кто зверь,
кто человек,
И долго ль казни ждать.
И только пыльные цветы,
И звон кафельный, и следы
Куда-то в никуда.
И прямо мне в глаза глядит
И близкой гибелью грозит
Огромная звезда.

1939

6

Лёгкие летят недели,
Что случилось, не пойму.
Как тебе, сынок, в тюрьму
Ночи белые глядели,
Как они опять глядят
Ястребиным жарким оком,
О твоём кресте высоком
И о смерти говорят.

Весна 1939

ПРИГОВОР

И упало каменное слово
 На мою еще живую грудь.
 Ничего, ведь я была готова,
 Справлюсь с этим как-нибудь.
 У меня сегодня много дела:
 Надо память до конца убить,
 Надо, чтоб душа окаменела,
 Надо снова научиться жить.
 А не то... Горячий шелест лета,
 Словно праздник за моим окном.
 Я давно предчувствовала этот
 Светлый день и опустелый дом.
 [22 июня] 1939, фонтанный Дом

7/20

К. Серебряный

К СМЕРТИ

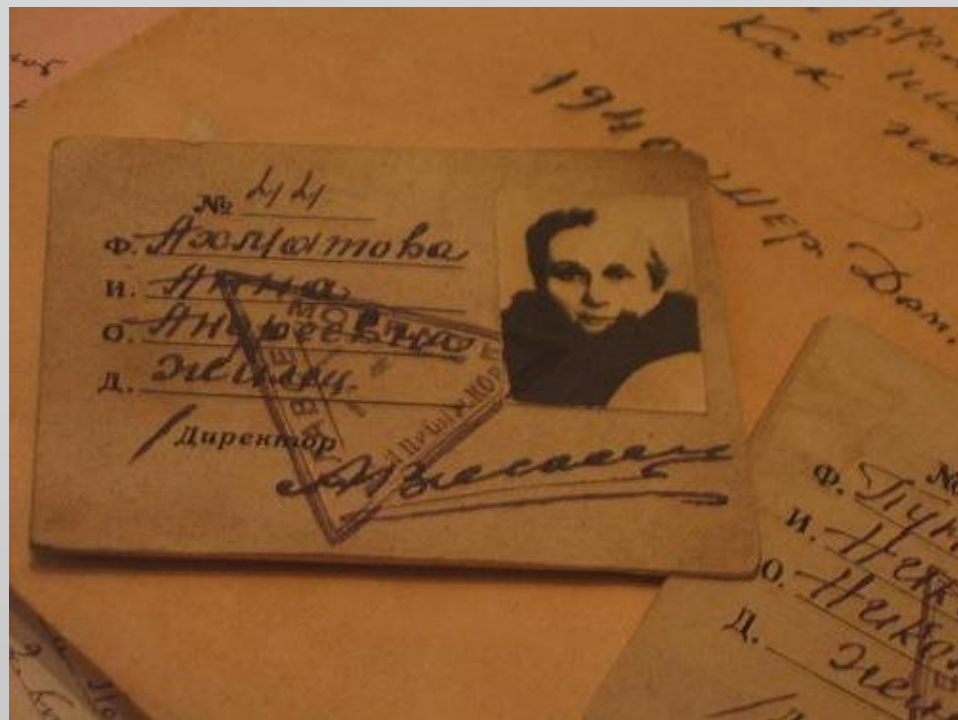
Ты все равно придёшь - зачем же не теперь?
Я жду тебя - мне очень трудно.
Я потушила свет и отворила дверь
Тебе, такой простой и чудной.
Прими для этого какой угодно вид,
Ворвись отравленным снарядом
Иль с гирькой подкрадись, как опытный бандит,
Иль отрави тифозным чадом.
Иль сказочкой, придуманной тобой
И всем до тошноты знакомой, -
Чтоб я увидела верх шапки голубой
И бледного от страха управдома.
Мне все равно теперь. Клубится Енисей,
Звезда Полярная сияет.
И синий блеск возлюбленных очей
Последний ужас застигает.

19 августа 1939, Фонтанный Дом

Уже безумие крылом
 Души накрыло половину,
 И поит огненным вином
 И манит в чёрную долину.
 И поняла я, что ему
 Должна я уступить победу,
 Прислушиваясь к своему
 Уже как бы чужому бреду.
 И не позволит ничего
 Оно мне унести с собою
 (Как ни упрашивай его
 И как ни докучай мольбою):
 Ни сына страшные глаза -
 Окаменелое страданье,
 Ни день, когда пришла гроза,
 Ни час тюремного свиданья,
 Ни милую прохладу рук,
 Ни лип взволнованные тени,
 Ни отдаленный лёгкий звук -
 Слова последних утешений.

4 мая 1940, Фонтанный Дом

10

РАСПЯТИЕ

*Не рыдай Мене, Мати,
во гробе зрящая.*

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплавились в огне.
Отцу сказал: "Почто Меня оставил!"
А матери: "О, не рыдай Мене..."

1938

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

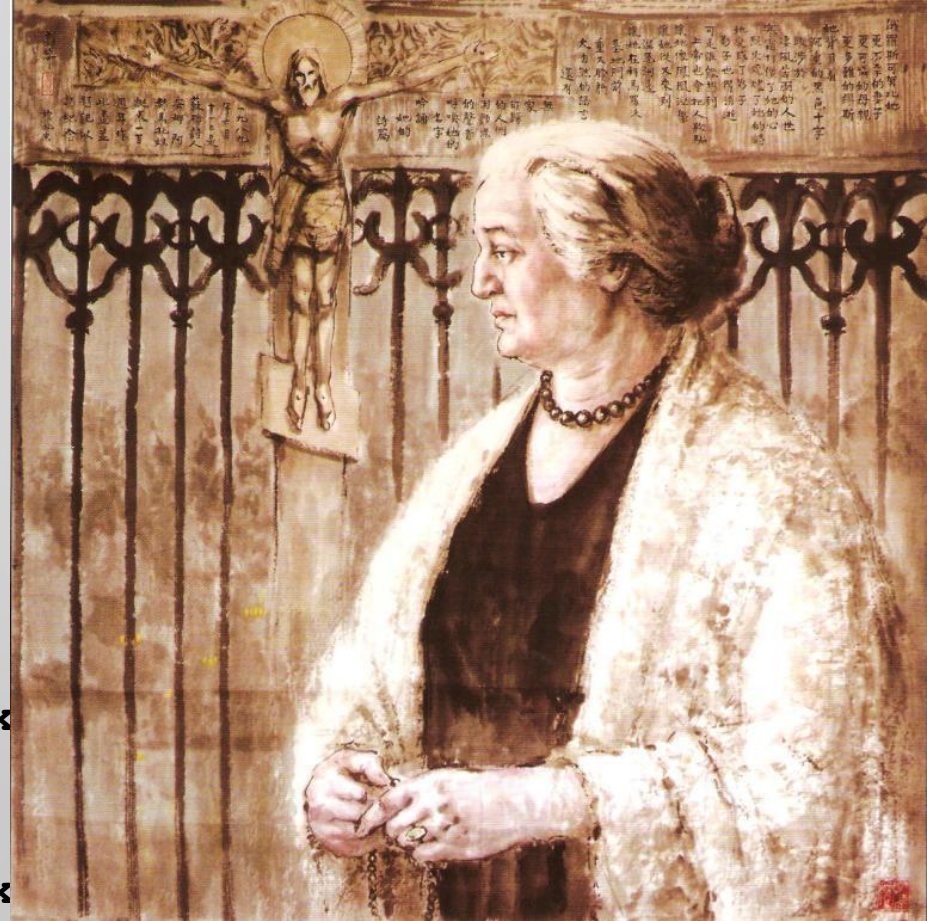
1940, Фонтанный Дом

ЭПИЛОГ

I

Узнала я, как опадают лица,
Как из-под век выглядывает страх
Как клинописи жёсткие страницы
Страдание выводит на щеках,
Как локоны из пепельных и черных
Серебряными делаются вдруг,
Улыбка вянет на губах покорных,
И в сужоньком смешке дрожит испуг.
И я молюсь не о себе одной,
А обо всех, кто там стоял со мною,
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною ослепшею стеною.

II

Опять поминальный приблизился час.
 Я вижу, я слышу, я чувствую вас:
 И ту, что едва до окна довели,
 И ту, что родимой не топчет земли,
 И ту, что красивой тряхнув головой,
 Сказала: "Сюда прихожу, как домой".
 Хотелось бы всех поименно назвать,
 Да отняли список, и негде узнать.
 Для них соткала я широкий покров
 Из бедных, у них же подслушанных слов.
 О них вспоминаю всегда и везде,
 О них не забуду и в новой беде,
 И если зажмут мой измученный рот,
 Которым кричит стомильонный народ,
 Пусть так же они поминают меня
 В канун моего поминального дня.

А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием - не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забыть громыхание черных марусь,
Забыть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.
И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы, струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

***Ржавеет золото и истлевают сталь,
Крошится мрамор — к смерти всё
готово.***

***Всего прочнее на земле печаль
И долговечней — царственное слово.***

1945. Фонтанный Дом

